

П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. — Изд-во Моск. ун-та, 1953. 307 стр.

1

Наша научная литература по исторической грамматике русского языка бедна обобщающими трудами. Появление курса исторической морфологии русского языка, принадлежащего перу проф. П. С. Кузнецова, должно привлечь к себе внимание специалистов по истории русского языка. П. С. Кузнецов опубликовал лекции по исторической грамматике русского языка, читанные им в течение ряда лет в МГУ и других вузах столицы.

Рассматриваемый курс исторической морфологии русского языка состоит из введения, шести глав, посвященных обзору морфологических изменений по отдельным частям речи, и заключения. Некоторые места в тексте лекций по исторической грамматике отличаются свежестью материала, новизною взглядов. Гипотетичен, но увлекателен рассказ автора о значении детерминативов в склонении имен существительных в индоевропейском языке-основе. Хорошее впечатление производит раздел о чередованиях. Очень интересно подан материал, касающийся истории числительных. Изложение материала по истории глагольных форм также в общем находится на достаточно высоком научном уровне.

Вместе с тем следует отметить, что лекции П. С. Кузнецова имеют ряд существенных недостатков.

Автор нередко устанавливает связи между фактами общиндоевропейского языка-основы и фактами общеславянского языка-основы. Но при этом он допускает многочисленные неточности в изложении сообщаемых сведений. Так, форму сигматического аориста *ньсз* автор возводит к общиндоевропейской форме *nes-s-om* (стр. 210) вместо *nes-s-om*.

Говоря о соотношении окончаний в склонении основ на -й, автор отмечает, что им. падеж ед. числа и вин. падеж ед. числа имели окончание *ъ*. «В части форм, — продолжает автор, — мы находим конечное -у (ы): вин. п. мн. ч., им.-вин. п. дв. ч. сыны. Но, как мы знаем, *ъ* находится в чередовании с у(ы) и это чередование, восходящее к индоевропейскому *й/й̄*, получило широкое развитие на славянской почве. Ср., например, *сънүти—оусыхати*. Таким образом и в этих формах мы имеем дело для определенной эпохи с чистой основой (без окончания), но на другой ступени чередования» (стр. 46).

В действительности же только в им.-вин. падежах двойственного числа окончание -ы восходит к индоевропейскому *и* долготу. Только в им.-вин. падежах единственного и двойственного числа отношение *ъ* : *ы* восходит к отношению *й̄* : *й̄̄*. В вин. падеже множественного числа -ы не восходит к *й̄̄*, оно возникло на славянской почве из -*üns*. Это значит, что отношение *ъ* : *ы* в им.-вин. падежах единственного числа и множественного числа не восходит к отношению *й̄̄* : *й̄̄̄*.

«Так же обстоит дело, — пишет автор, — и в склонении с основой на -ь. Род., дат., местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч., вин. п. мн. ч. (а для женского рода и им. п. мн. ч.) оканчиваются на -*i* (ср. *пути, кости*). Но *i*, как известно, находится в закономерном чередовании с *ь* (ср. *брати — сбираи*). И во всех этих формах мы имеем дело с чистой основой, но на другой ступени чередования. Генетически чередование *ь/i* может иметь двойкий источник: оно может восходить к чередованию *i/ī* (т. е. к удлинению редукции) и может восходить к чередованию *i/ei*. Как показывает сравнение с другими индоевропейскими языками, в склонении с основой на -ь ступень *i* развилась из дифтонга *ei*» (стр. 46).

В действительности -*i* развивалось из дифтонга *ei* только в род., дат., местн. падежах единственного числа. В им.-вин. падежах двойственного числа *i* развивалось из индоевропейского *i* долготу. В вин. падеже множественного числа *i* явилось на славянской почве из индоевропейского -*üns*. В им. падеже множественного числа женского рода *i* (*кости*) аналогического происхождения. Следовательно, -*i* в склонении основ на -ь восходит к разным источникам, а не только к *ei*.

Анализируя падежные окончания основ на -й, автор пишет: «Остальные формы, помимо уже рассмотренных, имеют основу, оканчивающуюся на *ъ* с различными окончаниями после нее. Ср. тв. п. ед. ч. *сынъмь* (окончание -*мь*), тв. п. мн. ч. *сынъми* (окончание -*ми*), местн. п. мн. ч. *сынъгъ* (окончание -*гъ*), дат.-тв. п. дв. ч. *сынъма* (окончание -*ма*). Следует заметить, кстати, что те же окончания после конечного гласного основы мы находим и в других типах склонения» (стр. 46). Неточность сообщаемых здесь сведений заключается в том, что указанные окончания были не во всех типах склонения, что окончание -*ми* твор. падежа множественного числа не имело места в склонении основ на -о (ср. древнерус. *вълкы*).

Неточным или во всяком случае спорным является изложение фонетического процесса образования звательных форм на -о у основ на -а (ср. укр. *мамо!*). П. С. Кузнецов полагает, что в звательной форме конечное долгое *а* подвергалось редукции и

сокращению. «Сокращаясь, *ā* давало *ǣ*, которое на славянской почве изменялось в *o*» (стр. 54). Из этого изложения следует, что в индоевропейском языке-основе долгие при редукции и сокращении давали краткие гласные того же качества; долгий гласный *a*, редуцируясь и сокращаясь, давал краткий гласный *a*, долгий гласный *o* давал краткое *o* и т. п. Между тем в действительности редукционную ступень долгих гласных представлял звук *э*, который на славянской почве изменялся в *o*. Звук *o* в звательной форме *сестро* обычно выводят не из краткого *a*, а из *э*, представляющего собой редукционную ступень долгого *a*.

Реконструируемые формы даны в работе не всегда точно. Некоторые из таких неточностей можно объяснить как опечатки; но многое представляет собой недосмотр автора. На стр. 25 в формуле индоевропейского чередования *e/o/ē/o* не отмечена долгота последнего *o*. Для слова *камень* автор восстанавливает форму *kamons* без указания на долготу *o* (ср. лит. *акмѝ*, где *io* соответствует долгому *o* в греч. *ἄκμων*). При обозначении дифтонга *oi* почти всегда отсутствует указание на неслоговой характер *и*. Этот дифтонг очень часто передается буквами *oi* (стр. 45, 46 и др.).

Таким образом, при изложении сведений, относящихся к общиндоевропейскому языку-основе, автор допускает многочисленные неточности.

В особенности небрежны и неточны формулировки, в которых излагаются закономерности фонетических процессов. О фонетическом изменении группы *tl, dl* в *l* автор выражается так: звуки *t, d* «теряются» (стр. 202). Говоря об образовании причастий страдательного залога прошедшего времени от глаголов типа *пустити*, автор пишет: «В тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на согласный, между этой основой и суффиксом являлся тематический гласный *e*, например *нес-ти* — *нес-е-нъ*. Это *e* являлось и в тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на суффиксальное *i* (т. е. в глаголах IV класса), причем само это *i* теряется, например: *пустити* — *пущенъ*» (стр. 202). Выражение «звуки теряются» в курсе П. С. Кузнецова является самым излюбленным. Оно применяется автором к самым разнообразным фонетическим явлениям.

2

Для истолкования фактов русского языка автор иногда привлекает данные восточнославянских языков. Однако факты украинского и белорусского языков автор излагает неточно. Говоря о влиянии основ на *-й* на склонение имен существительных с основами на *-o*, П. С. Кузнецов пишет: «Формы, восходящие к старым основам на *-й (-ъ)*, но захватившие и существительные, принадлежавшие и в прошлом к основам на *-o*, шире представлены и в современных украинском и белорусском языках, сравнительно с современным русским. Ср., например, в дат. п. ед. ч. укр. *батькові*, *хлопцеві* (формы на *-ови*, *-еви* характерны и для юго-западных белорусских говоров)» (стр. 72). «Шире, чем в русском литературном языке, формы на *-ов* представлены в украинском и белорусском языках... Ср., например, укр. *ячменів*, *товарищів*..., белорусск. *рублёў*, *канёў*» (стр. 78). Эти сведения не совсем верны. Рассмотрим факты украинского и белорусского языков по отдельным падежам. Автор указывает, что окончания *-ови*, *-еви* свойственны юго-западным белорусским говорам. Как известно, юго-западными обычно называют белорусские говоры с недиссимилиативным *йа*-ьяем и твердым *р*. В этих белорусских говорах окончание *-ови*, *-еви* не встречается. Е. Ф. Карский наблюдал указанное окончание на юго-западе по соседству с польскими и украинскими говорами. Современные диалектологи отмечают формы *-ови*, *-еви* в узкой полосе говоров, переходных от украинского языка к белорусскому, например в Пружанах Брестской области.

Таким образом, формы *-ови*, *-еви* в дат. падеже единственного числа не свойственны основным наречиям белорусского языка. Нет их и в белорусском литературном языке; в украинском языке они употребляются в строго определенном порядке, а именно: во втором склонении имена существительные мужского рода, обозначающие лица и живые существа вообще, по преимуществу получают в дат. падеже единственного числа окончание *-ові*, *-еві* (ср. *студентові*, *буйволів*). Имена существительные мужского рода, не обозначающие существ, могут иметь окончания *-ові*, *-еві*, *-у*, *-ю* (ср. *лісові* и *лісу*, *днів* и *дню*).

Следовательно, автор неточно сообщает сведения об употреблении форм *-ови*, *-еви* в восточнославянских языках.

Нельзя признать точной и формулировку автора о более широком распространении в украинском и белорусском языках окончания *-ов*. Эта формулировка не дает правильного представления о действительном характере употребления окончания *-ов* в восточнославянских языках. В белорусском языке окончание *-ов* употребляется совершенно иначе, чем в русском. В мужском роде его принимают не только имена существительные с основой на твердый согласный, но и имена существительные с основой на мягкий согласный (ср. *канёў*). Но имена существительные, имеющие в

единственного числе суффикс *-ин-*, в род. падеже сохраняют, как в русском языке, чистую основу (ср. *мінчан*). Далее, окончание *-ов* (*-аў, -оў, -еў*) могут принимать и имена существительные женского и среднего рода (ср. *жанчынаў, моваў, мораў, летаў*, и т. д.).

В украинском языке имена существительные среднего и женского рода, как правило, не имеют в род. падеже множественного числа окончаний, восходящих к *-овъ*. В соответствующих случаях русский язык также не знает окончаний *-ов*. Но в украинском языке окончания *-ів* получают имена существительные мужского рода, имеющие в единственном числе суффикс *-ин-* (ср. *осетинів, грузинів*). Имена существительные иноземного происхождения *вольт, ом* в род. падеже множественного числа имеют формы *вольтів, омів*.

Таким образом, в литературном русском и литературном украинском языках окончание *-ов* употребляется только у имен существительных мужского рода, причем в украинском языке более широкий круг имен существительных мужского рода принимает окончание, восходящее к *-овъ*. В белорусском же языке имена существительные всех трех родов принимают окончания, восходящие к *-овъ*. Различие между белорусским и русским языками в отношении употребления окончания *-ов* в род. падеже множественного числа не количественное, а качественное.

Не вполне точно даны сведения о белорусском и украинском языках и в следующей формулировке автора: «Распространение старой формы род. п. мн. ч. основ на *-і(-ь)* на склонение с основой на *-о* имело место не только в русском, но также и в белорусском и украинском языках» (стр. 80). В русском языке окончание *-ей* распространилось в род. падеже множественного числа у всех имен существительных, имевших основы на *-іо-* (ср. *коней, полей*). В белорусском языке эти имена существительные могут иметь окончание *-ей*, но чаще употребляются с окончанием *-ёў* (ср. *канёў, палёў* и т. п.). В украинском языке распространение окончания род. падежа множественного числа основ на *-і* имело еще более сложный характер.

Неверно сообщаются сведения о склонении имен существительных женского рода с суффиксом *-ка* в белорусском языке. В местном и дательном падеже единственного числа эти существительные имеют форму на *-ы*: *на шапцы, аб шапцы, на лаўцы*; автор же дает формы на *-е*: *на лаўце* (стр. 124).

Также неверно сопоставляет автор русскую диалектную форму *той* с украинской формой *той*. Автор пишет: «Местоимение *той*, фонетически развившееся из *тѣѣ*, сохранилось кое-где по говорам, а также в украинском языке» (стр. 141). Здесь необоснованно опущены факты белорусского языка. Кроме того, факты русского языка незаконмерно сопоставлены с фактами языка украинского. Дело в том, что русская форма *той* действительно развивалась фонетически из *тѣѣ*, но украинская и белорусская форма *той* не могла фонетически развиваться из *тѣѣ*, так как в этих языках редуцированное *ѣ* переходило не в *о*, как в русском языке, а в *и, ы* (ср. укр. *слипий*, белорус. *слыпый*). В украинском и белорусском языках форма *той* возникла гефонетически, а морфологически. Она не сопоставима с русской диалектной формой *той*.

Мы рассмотрели некоторые случаи привлечения данных белорусского и украинского языков к объяснению фактов русского языка; приходится с сожалением констатировать, что автор проявил беззаботность в отношении изложения фактов белорусского и украинского языков.

Фактически данных других славянских языков автор почти совсем не привлекает. Имеется только указание на то, что в польском языке употребляются формы *ryboja* и *ryba* (стр. 52).

3

Сведения по русскому языку автор сообщает также не всегда точно. Говоря о взаимодействии окончания 1-го склонения имен существительных с основой на твердый и мягкий согласные, автор пишет: «Возможно, что результатом воздействия мягкой разновидности склонения на твердую является и наблюдающееся по говорам совпадение форм род., дат. и предл. п. ед. ч. у существительных на *-а* (т. е. 1-го склонения) в форме, соответствующей нашему родительному падежу, например, *из избы, в избы, к избы, из земли, к землей, в землей*» (стр. 94). Эту формулировку можно понять только в том смысле, что формы *из избы, в избы, к избы* возникли по аналогии с формами основ на мягкие согласные.

В приведенных автором примерах воздействие мягкой разновидности на твердую имеет место только в дат. и предл. падежах единственного числа (ср.: *в избы, как в земли; к избы, как к земли*). Но в примерах, характеризующих родительный падеж, влияния мягкой разновидности на твердую не было. Форма *из избы* исконная. По аналогии с ней образована и форма *из земли*. Если бы в род. падеже единственного числа имело место воздействие мягкой разновидности на твердую, то получились бы

Формы *из избе*, как *из земле*. Следовательно, сведения о влиянии твердой разновидности на мягкую сообщены автором не вполне верно.

Неправильно сообщаются сведения о склонении притяжательных прилагательных в русском языке. П. С. Кузнецов утверждает, что «местоименные формы развились у них лишь в тв. и местн. п. ед. ч. и во всех косвенных падежах мн. числа» (стр. 154). В действительности притяжательные имена прилагательные женского рода в единственном числе имеют местоименные формы во всех косвенных падежах, кроме винительного (ср. род. падеж *бабушкиной*, дат. падеж *бабушкиной*, твор. падеж *бабушкиною*, местн. падеж *о бабушкиной*). Только в им. и вин. падежах единственного числа они сохраняют старые именные формы (ср. *бабушкина* и *бабушкину*). Во множественном числе притяжательные имена прилагательные также не во всех косвенных падежах имеют местоименные формы, как утверждает автор. В вин. падеже множественного числа они сохраняют старую именную форму, если относятся к именам существительным, обозначающим неодушевленные предметы (ср. *вижу бабушкины очки*).

Неверно формулирует автор факты, относящиеся к изменению склонения числительных *триста*, *четыреста*. Автор пишет: «Именительный и винительный падежи *триста* и *четыреста* сохранили старую форму, остальные же падежи развили формы, параллельные соответствующим падежам *двести*, причем числительные *три* и *четыре* склоняются согласно своему новому склонению... а *сто* согласуется с ними совершенно так же, как при *двести*» (стр. 184).

В этом изложении имеется ряд неточностей. Во-первых, числительное *сто* не согласуется с числительными *три* и *четыре* в современном русском языке, не согласовывалось оно с ними и в древнерусском языке. Напротив, числительные *три* и *четыре* согласовывались в падеже с числительным *сто* и в косвенных падежах продолжают согласовываться с ним и в современном русском языке (ср. *трехсот*, *тремястами* и т. п.). Во-вторых, не числительные *триста* и *четыреста* развили формы, параллельные соответствующим падежам *двести*, а наоборот, числительное *двести* развило формы, параллельные соответствующим падежам *триста* и *четыреста*.

В составе числительного *двести* числительное *сто* в косвенных падежах принимало формы двойственного числа, а в составе числительных *триста* и *четыреста* числительное *сто* принимало формы множественного числа. В современном русском языке числительное *сто* принимает при склонении формы множественного числа как в составе числительных *триста* и *четыреста*, так и в составе числительных *двести* (ср. *двухсот*, *трехсот*, *четырехсот*, *двумстам*, *тремстам*, *четыремстам* и т. п.).

Не вполне точно сообщаются сведения об употреблении собирательных числительных *двое*, *трое*. П. С. Кузнецов утверждает, что «в современном языке, по крайней мере, литературном, они сочетаются лишь с названиями лиц, и притом главным образом мужского пола» (стр. 187) (ср. *трое парней*). В действительности эти числительные употребляются не только в сочетании с названиями лиц, но и в сочетании с другими именами (ср. *двое часов*, *двое ворот*, *двое сапог*, *двое суток* и т. п.).

Иллюстративный материал, касающийся исторического периода в развитии русского языка, заимствован главным образом из «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского. Только в главе, посвященной глаголу, встречаются отдельные примеры, которых нет в лекциях Соболевского. Кроме того, иллюстративный материал вообще очень незначителен по объему. В диалектологических справках он не имеет территориальной приуроченности. Автор ссылается на данные диалектологии, но почти никогда не называет конкретных говоров определенной территории. Диалектологические сведения часто не имеют никакой паспортизации.

Недостоверность фактов, неточность сообщаемых сведений — серьезный недостаток рецензируемой работы. Читатель не во всех случаях может довериться автору в смысле надежности и точности сообщаемых им сведений.

4

В курсе истории русского языка большое место должны занимать вопросы реконструкции древних языковых фактов, принципы их истолкования, а также вопросы, связанные с разъяснением фактов современного языка из данных языка-основы.

Перед автором стояла задача использовать сравнительно-исторический метод для освещения истории русского языка, правильно истолковать факты русского языка в свете данных родственных языков. И в этом отношении в книге П. С. Кузнецова имеются существенные недостатки.

В ней отсутствует периодизация явлений по общепринятым эпохам в развитии языка. Явления индоевропейской общности смешиваются с явлениями общеславянской общности. Так, автор пишет: «Склонения с основой на -*ъ*(-*й*) и -*ь*(-*й*)... не только

в эпоху, предшествующую формированию общеславянского языка-основы, но и на протяжении всего его существования и даже возможно позднее характеризовались именно этими концами основ (т. е. *ъ* и *ь*)» (стр. 45). Гласные *ъ* и *ь* никак не могли характеризовать концы основ в эпоху, предшествующую образованию общеславянского языка-основы.

Автор избегает точных терминов, обозначающих эпохи в развитии языка. «Очень рано, — говорит автор, — начинает разрушаться склонение с основой на согласный» (стр. 81). Но читателю остается неизвестным, к какому времени относится *очень рано*. «Слово *день* очень рано приобрело в им. п. конечное *ь* по типу основ на *-i*» (стр. 82). «О раннем разрушении основ на *-s* в русском языке свидетельствуют некоторые явления словообразования» (стр. 84). «В древности, например, в соответствии с современным „два стола“, „три стола“, „пять столов“ выступали другие сочетания» (стр. 105). «Окончательное закрепление современных норм сочетаний существительных с числительными 2, 3, 4 имело место, повидимому, сравнительно поздно» (стр. 106). «В определенную эпоху это *n* в закрытом слоге теряется» (стр. 137). О соотношении *мстити* — *мицати* автор высказывается так: «Эти образования уходят, повидимому, в глубокую древность» (стр. 228). Говоря о соотношении окончаний в склонении с основами на мягкие и твердые согласные, автор замечает: «Но большинство их в какую-то дописменную эпоху зависело от фонетических причин» (стр. 53). У П. С. Кузнецова явления развиваются то «очень рано», то «сравнительно поздно», то в какую-то «дописменную эпоху», то в «древности», то «в глубокой древности». Ни один из этих терминов не обозначает какую-либо определенную эпоху в истории языка и, следовательно, не имеет никакого строго научного значения.

Автор часто приводит разные взгляды по одному и тому же вопросу, причем оценки этих взглядов не дает. Так, говоря об окончании в им.-вин. падеже двойственного числа *-a*, восходящем к *ō*, он замечает: «Это *ō* представляет собою или результат слияния гласного основы *o* с гласным окончания, или иную степень чередования» (стр. 49). Какое из этих объяснений является более правдоподобным, автор не говорит. Он указывает на то, что твор. падеж единственного числа основ на *-a* имеет форму *-oř*. Но в польском языке имеется и окончание *-r*. О первом П. С. Кузнецов высказывается как о вторичном окончании, о втором — как о первичном окончании. А в конце заключает: «Впрочем, польское *rybą* скорее представляет результат стяжения *rybořa*» (стр. 52). Какой взгляд принимает автор, остается неясным.

Отсутствие строгости и точности в применении сравнительного метода наблюдается у автора не только при реконструкции форм языка-основы, но и при объяснении форм современного языка из форм языка-основы. Так, автор отмечает факт отсутствия форманта *-m* в 3-м лице глаголов в ряде славянских языков. Проф. П. С. Кузнецов полагает, что отсутствие *-m* в современных языках объясняется тем, что еще в общеславянском языке первичные окончания вытеснялись вторичными окончаниями.

Автор утверждает, что формы 3-го лица без *-m* в славянских языках «представляют собою результат начавшегося еще в дописменную эпоху взаимодействия первичных и вторичных окончаний, т. е. окончаний настоящего и прошедших времен. В соответствии с первичным окончанием *-ti* в 3-м лице фигурировало вторичное окончание *-t*, которое, возможно, затем проникло в ряде случаев и в настоящее время. Конечное *t* в результате действия закона открытых слогов должно было утратиться» (стр. 208), что и привело к образованию глагольных форм 3-го лица без *-m*. Возможно, что в отдельных славянских говорах формы без *-m* имеют такое происхождение (ср. в Супр. рук. *повѣдѹе*). Но это объяснение непригодно для большинства славянских диалектов, в которых мы находим отсутствие *-m*. В белорусском языке формы без *-m* (*-ць*) употребляются в первом спряжении только у неговратных глаголов (ср. *нясе, бяра* и т. п.). Но в возвратных глаголах *-m* (*-ць*) сохраняется (ср. *нясецца, бярацца*). Если бы *-m* (*-ць*) в 3-м лице глаголов отсутствовало потому, что оно пало в период падения вторичных окончаний, то оно должно было пасть и в возвратных формах. В применении к белорусскому языку предложенное объяснение отсутствия *-m* в 3-м лице глаголов неприемлемо. Оно неприемлемо также и в отношении чешского языка, в котором показатель *-m* отсутствует и в 3-м лице множественного числа. Однако формы 3-го лица множественного числа в чешском языке представляют новообразование. Первоначально и они имели элемент *-m*, который позднее был утрачен. Об этом свидетельствует наличие новой долготы конечного слога в 3-м лице глаголов множественного числа. Как известно, старые долготы в конечном слог в чешском утрачены¹.

Еще более не применима рассматриваемая теория к фактам русского языка. Формы без *-m* встречаются в говорах только в неговратных глаголах. Уже это одно исключает возможность связывать формы без *-m* с судьбой вторичных окончаний.

¹ См. А. М. Сел и щ е в, Славянское языкознание, т. I, М., 1941, стр. 163.

В ряде говоров процесс утраты конечного *-т* в 3-м лице глаголов совершается и в настоящее время. Проф. А. М. Селищев утверждал, что «в некоторых северно-великорусских говорах процесс утраты *-т* в форме 3 л. до сих пор еще не закончен. Так, по говорам Вятской губ. употребляются формы 3 л.ед. на *-т* и без *-т*. При этом важно отметить следующее явление: в представлении говорящего образование *-т* в конце формы имеется; для этого образования отводится соответствующий момент времени, но осуществление этого образования весьма слабо или совсем отсутствует — *спй, говори...*»².

Нет никакого сомнения в том, что форма 3-го лица без *-т* в русских говорах не связана с общеславянским процессом падения вторичных окончаний. Вызывает сожаление, что П. С. Кузнецов допускает ошибку, прямолинейно связывая факты современного языка с фактами общиндоевропейского языка-основы, проявляя недостаточное внимание к истории языковых процессов на почве отдельных славянских языков.

Таким образом, в работе проф. П. С. Кузнецова имеются отдельные недостатки в применении сравнительно-исторического метода к освещению истории русского языка; в ряде случаев отсутствует научная обоснованность в реконструкции древних фактов языка и историчность освещения фактов современного языка из данных языка-основы.

5

Курс исторической морфологии русского языка должен строиться на базе современных представлений об основных закономерностях морфологических процессов. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом утрачиваются элементы старого качества в морфологической системе языка. По мнению проф. П. С. Кузнецова, постепенное отмирание элементов старого качества осуществляется путем постепенного разрушения одного элемента этого качества за другим. Так, он полагает, что отмирание старых типов склонения, утрата форм двойственного числа, изменения в формах времени древнерусского глагола и т. п. представляют собой их разрушение (см. §§ 23, 28, 88).

От разрушенных форм могут сохраняться отдельные обломки. Форма 1-го лица единственного числа *вѣдь* — обломок старого перфекта (стр. 241). Форма *будяше* — обломок имперфекта (стр. 217) и т. п. В действительности, однако, история русского языка не знает случаев разрушения отдельных словесных форм как элемента старого качества. Отмирание этих элементов осуществляется не путем их последовательного разрушения, а путем постепенного сокращения их употребления. В древнейших русских памятниках формы двойственного числа употреблялись правильно и регулярно. Однако уже в памятниках XIII в. появляются отдельные случаи употребления форм множественного числа при обозначении двух предметов. В житии Нифонта 1219 г. мы находим такое выражение: *Помози рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшемъ книги силъ*³. В этом примере словесная форма *рабомъ* представляет собою форму дательного падежа множественного числа, а относится она к двум лицам; по старым нормам мы должны были бы иметь в данном случае форму двойственного числа *рабома*. Первоначально такие примеры были единичными. Долгое время формы двойственного числа продолжали употребляться с отдельными случаями нарушения общего порядка. В указанном выше примере, наряду с формой множественного числа на месте двойственного, мы находим и правильное употребление причастия *написавшемъ* в форме двойственного числа. С течением времени в памятниках встречаются все более частые случаи употребления форм множественного числа на месте формы двойственного числа: употребление первых постепенно расширялось, употребление вторых постепенно суживалось.

Вместе с прекращением осмысления форм двойственного числа как форм, обозначающих два предмета, закончила свое существование в языке и категория двойственного числа. В отдельных случаях сохранились былые формы двойственного числа, но они получили иное осмысление и назначение в речи: *берега* по происхождению является формой двойственного числа именительного падежа, а имеет значение множественного числа именительного падежа.

По вопросу возникновения и накопления элементов нового качества у автора нет установившихся взглядов, и в разных местах книги имеются разные формули-

² А. Селищев, [Рец. на кн.:] «Н. Дуринов. Очерк истории русского языка. М., 1924 276 стр.», «Известия Отд-ния рус. языка и словесности АН СССР», т. XXXII, 1927, стр. 329.

³ См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 205.

ровки. Описав отдельные изменения в унаследованных типах склонения, автор заключает: «В результате всех преобразований, изложенных выше, в русском языке (литературном и большей части говоров) устанавливается система трех склонений существительных» (стр. 90). Из этой формулировки можно сделать вывод о том, что элементы нового качества возникают путем преобразования элементов старого качества. Об этом говорит и такая формулировка автора: «В результате изложенных выше преобразований устанавливаются иные отношения между единственным и множественным числом» (стр. 99—100).

По мнению автора, все элементы нового качества в грамматическом строе языка представляют собою выражение дальнейшего абстрагирования. Среди других грамматических процессов и явление так называемой унификации различных типов склонения он рассматривает как яркий пример все дальше идущего обобщения (стр. 8).

В отдельных случаях элементы нового качества действительно представляют более высокую ступень абстракции по отношению к отмирающим элементам старого качества. Так, форма несовершенного вида будущего времени *буду писать* представляет собою более высокую ступень абстракции по отношению к формам *иму писати, хочу писати*, а также по отношению к форме *буду писалъ*. В других случаях элементы нового качества представляют собою более дифференцированные средства по отношению к отмирающим элементам старого качества. Так, в древнерусском языке причинные отношения в структуре простого предложения выражались главным образом творительным падежом, современный же русский язык располагает множеством средств для выражения этих отношений.

Но элементы нового качества по отношению к элементам старого качества могут представлять и ту же ступень абстрагирования. Таковы факты, относящиеся к унификации типов склонения. Изменения в склонении, имевшие место в истории русского языка, обеспечили сохранение, укрепление, совершенствование унаследованной системы падежных отношений, а не ее отмирание или дальнейшее обобщение. Никаких новых более абстрактных категорий в падежной системе не возникло. Не появилось ни одного более абстрактного падежа, все унаследованные падежи в результате унификации сохранили свою роль в системе языка. Произошло устранение разнообразия ненужных падежных средств, но абстрагирующее свойство каждого падежа в отдельности не изменилось, так как унаследованная система падежных отношений сохранилась полностью.

В общем курсе исторической морфологии русского языка должны сообщаться сведения о связи истории языка с историей общества, в котором он развивается. Однако едва ли правильно было бы думать, что роль общественных условий сводится к привнесению в языковую систему тех или других языковых элементов. Между тем П. С. Кузнецов нередко объясняет возникновение отдельных элементов языковой системы воздействием отдельных общественных явлений.

Известно, что в общеславянском языке-основе именительный и винительный падежи единственного числа мужского рода совпали в одной форме. Затем стало расширяться употребление форм родительного падежа в функции винительного падежа у отдельных групп имен существительных, обозначающих одушевленные предметы.

По мнению П. С. Кузнецова, «первоначально форма родительного-винительного падежа использовалась не у всех существительных, обозначающих одушевленные существа, а лишь у собственных имен людей и у названий лиц (т. е. людей), и притом общественно полноправных. Общественные отношения и отражающие эти отношения воззрения не находят себе прямого и непосредственного выражения в грамматических категориях, как предполагал основатель методологически порочного „нового учения“ о языке Н. Я. Марр. Но в известных случаях, когда языковая структура дает почву для этого, отражение определенных общественных отношений наблюдается и в грамматическом строе языка» (стр. 118).

П. С. Кузнецов считает, что определенные общественные отношения, существовавшие в древней Руси, породили и то явление в грамматическом строе русского языка, которое заключается в том, что форму родительного-винительного первоначально стали принимать только названия полноправных лиц, а названия неполноправных лиц продолжали сохранять форму винительного падежа. Однако эта точка зрения едва ли может быть признана. Процесс распространения родительного-винительного падежа в древнерусском языке не испытывал того или другого воздействия со стороны правового или общественного положения людей в древнерусском обществе.

Сомнительными представляются нам и рассуждения автора о происхождении форм рода. О формах женского рода он пишет так: «отдельные случаи отражения общественного мировоззрения, отдельные случаи отражения развития хозяйственных отношений и техники производства в подразделении существительных по родам мы на протяжении истории различных языков находим. Так, например, в ряде языков для определенной эпохи имеются указания, что женский род является как бы более „низким“: названия лиц, обозначающих более „низкие“ профессии, названия различ-

ных отрицательных свойств оформляются такими окончаниями, которые свойственны женскому роду: ср. лат. *scriba* „писец“, ср. также русск. *розля, мямля*» (стр. 62—63).

Та же необоснованная социологизация наблюдается в рассуждениях о формах среднего рода. «Поскольку средний род, — пишет автор, — обозначал такие предметы, которые сами не действуют, а являются лишь объектом действия, занимают лишь подчиненное положение, к среднему роду легко могли отходить и отходили слова уничижительного значения, а с ними в некоторых случаях и имена, характеризующиеся и другими значениями, так или иначе связанными с уничижительными» (стр. 114).

Таким образом, у автора нет продуманных взглядов по вопросу о характере закономерности морфологических процессов в истории русского языка, представления его об отмирании элементов старого качества и о возникновении элементов нового качества бедны и сбивчивы, его суждения о связи развития грамматического строя с общественными условиями не всегда верны.

6

Курс исторической морфологии П. С. Кузнецова — учебник. В нем должны быть учтены достижения науки о русском языке со времени выхода в свет курсов по истории русского языка А. И. Соболевского, А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново. В учебнике должна быть соблюдена соразмерность его частей, методичность и четкость изложения.

И в этом отношении работа П. С. Кузнецова нуждается в серьезной доработке. Автор очень мало использовал отдельные исследования и в особенности диссертационные работы по вопросам исторической морфологии русского языка.

Книга переполнена рассуждениями автора по отдельным вопросам истории русского языка, но бедна фактическим материалом. Отдельные части курса не пропорциональны, причем несоразмерность частей не может быть объяснена состоянием науки о русском языке. Истории наречий автор отвел три неполные страницы, тогда как в исторической грамматике русского языка Ф. И. Буслаева, изданной около ста лет назад, этому вопросу отведено десять страниц. Историю предлогов, союзов, частиц и междометий автор вообще не излагает. История имен числительных и местоимений дана в самом сжатом виде; между тем истории глагола автор отвел около ста страниц из двухсотпятидесяти, посвященных истории всех частей речи.

Стиль работы удовлетворительный, погрешности встречаются редко; см., например, неудачную формулировку: «В Московских памятниках XVI в. мы находим, правда, по С. Д. Никифорову, некоторые примеры, которые можно было бы истолковать как примеры прямого дополнения при страдательном причастии, но примеры сплошь спорные» (стр. 276).

*

Итак, лекции по исторической морфологии русского языка проф. П. С. Кузнецова в настоящем их виде не свободны от серьезных недочетов. В них имеются недостатки общетеоретического характера. В отдельных случаях методы объяснения явлений языка не отличаются научностью, а сообщаемые сведения — точностью. Однако и в этом виде книгу проф. П. С. Кузнецова с пользой для себя прочтут преподаватели вузов, занимающиеся вопросами исторической грамматики русского языка.

Т. П. Ломтеев

A. Lamprecht. *Středoopavské nářečí*.—Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1953. 115 стр., 1 карта.

Книга Арношта Лампрехта «Среднеопавские говоры» представляет собою описание фонетической и грамматической системы группы говоров чешской Силезии, которые до сих пор оставались почти совершенно неизученными. В связи с этим для характеристики среднеопавских говоров приходилось пользоваться трудом Фр. Бартоша «*Dialektologie moravská*» (I, 1886, II, 1895), в котором представлен говор только одного населенного пункта из числа среднеопавских говоров. Использовали также и работу Б. Гавранека «*Česká nářečí*», дающую лишь